

НА ПИКОВЫХ ПЕРЕКРЁСТКАХ ГОРОХОВОЙ УЛИЦЫ

Доктор филологических наук Иван ПЫРКОВ.

Если когда-нибудь будет создана адресная карта отечественной национальной культуры, то некоторые топонимические точки на ней высветятся как обладающие особым магическим притяжением. Например, Гороховая улица в Санкт-Петербурге.

«Шумная улица! Какие лавки, магазины богатые; всё так и блестит и горит, материя, цветы под стёклами, разные шляпки с лентами. Подумаешь, что это всё так, для красоты разложено — так нет же: ведь есть люди, что всё это покупают и своим жёнам дарят. Богатая улица! Немецких булочников очень много живёт в Гороховой; тоже, должно быть, народ весьма достаточный. Сколько карет поминутно ездит; как это всё мостовая выносит! Пышные экипажи такие, стёкла, как зеркало, внутри бархат и шёлк; лакеи дворянские, в эполетах, при шаге. Я во все кареты заглядывал, всё дамы сидят, такие разодетые, может быть и княжны и графини».

Таким увидел образ Гороховой Макар Девушкин, герой романа Ф. М. Достоевского «Бедные люди», написанного задолго до заменённого в последнее мгновение каторгой приговора на Семёновском плацу: «Отставного инженер-поручика Фёдора Достоевского, 27 лет... подвергнуть смертной казни расстрелианием...».

А ведь именно к Семёновскому плацу ведёт Гороховая улица, упирается в него судьбоносно. Одного этого обстоятельства было бы достаточно, чтобы признать исключительную роль данного топоса в русской литературе. Не только с творчеством и судьбой Достоевского связана она неразрывно, но и с Пушкиным, Гоголем, Гончаровым, Чернышевским, который, кстати, со свойственной ему скрытой иронией едва ли не называет в беседе с «проницательным читателем» в романе «Что делать?» Гороховую главным действующим лицом своей книги. «А Гороховая улица, этак, выйдет уж самое главное действующее лицо, потому что без неё не было бы и домов, стоящих на

ней, значит, и дома Сторешникова, значит, не было бы и управляющего этим домом, и дочери управляющего этим домом не было бы, а тогда ведь и всего рассказа вовсе бы не было».

Согласился, без Гороховой улицы многого «не было бы» в отечественной словесности, многое бы не состоялось в нашей истории и культуре. А если так, то давайте вместе совершим небольшое путешествие во времени и пространстве, пройдёмся по одной из центральных магистралей Петербурга — вдохнём историческую атмосферу, остановимся хотя бы ненадолго у знаменитых домов, вслушаемся в голоса эпох, ощутим энергию перекрёстков-пересечений. Перед нами — старинный дом (дом № 10) на углу Малой Морской и Гороховой. Попробуем взглянуть на него и на Петербург XIX века глазами одного из самых загадочных пушкинских героев.

«Очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещённому подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорты, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. Германн остановился.

— Чей это дом? — спросил он у углового будочника.

— Графини***, — отвечал будочник».

Всё верно, это фрагмент повести Пушкина «Пиковая дама», который мы помним ещё со школьной скамьи. А теперь прислушаемся. «Ах, постыл мне этот свет! Ну, времена! Повеселиться толком не умеют. Что за манеры! Что за тон! И не глядела бы...». Это вернулась с бала старая графиня, раздражённая современными нравами, она напеваёт перед тем, как заснуть, слабым, поскрипывающим голосом. Мы становимся свидетелями ключевой сцены из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама», написанной по одноимённой пушкинской

повести. Момент напряжённый до предела и проникнутый физически осязаемым страхом. За ширмой почивальни прячется Германн, верящий в магическую тайну трёх карт, судьба графини уже решена. И старая женщина, «осьмидесятилетняя карга», как написано у Пушкина, вспоминает песенку из своей навсегда ушедшей молодости. В контексте всей картины её слова звучат трагически.

*...et je sens malgré moi,
je sens mon cœur qui bat, qui bat,
je ne sais pas pourquoi!*

*...и чувствую я против воли,
как сердце моё так забилося, забилося,
и не ведаю, отчего!*

Чайковский цитирует сентиментальную арию французского композитора XVIII века Андре Гретри, и сцена обретает глубину, благодаря культурно-исторической ретроспекции. Партию графини исполняли такие выдающиеся оперные голоса, как Елена Образцова, Ирина Архипова, Валентина Левко.

За последними в жизни словами графини слышатся вопросы о судьбе и времени:

Красный мост через Мойку по Гороховой улице. Акварель неизвестного художника. 1820-е годы. Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

отчего юность проходит так быстро, отчего старость приходит так неумолимо?.. Прототипом героини «Пиковой дамы» стала, вполне возможно, княгиня Наталья Петровна Голицына, прожившая большую часть своей долгой-долгой жизни на углу Малой Морской и Гороховой и умершая здесь в возрасте 94 лет. Пушкин писал в дневнике: «При дворе нашли сходство между старой графиней и княгиней Натальей Петровной и, кажется, не сердятся». В городском фольклоре перекрёсток Морской и Гороховой до сих пор называют Пиковым. Гиды советуют: будьте осторожны, лучше не переходить в этом месте дорогу лишний раз и не вглядываться, особенно в сумерках, в окна графининого дома — там нет-нет да и мелькнёт загадочная тень былого. Но читатели журнала не суеверны, поэтому вряд ли станут соблюдать эти пожелания.

К слову, последние дни гениального русского композитора П. И. Чайковского,

Гороховая улица и Адмиралтейство. Старинная открытка.

по стечению трагических обстоятельств, прошли на Гороховой улице, в доме № 8, в квартире на пятом этаже, которую снимал его брат, Модест Ильич. Композитор вернулся после долгих гастролей в Петербург 10 октября 1893 года, полный творческих планов и надежд, а уже 25 октября его не стало.

Нередко появлялся на Гороховой и А. С. Пушкин, особенно часто Александра Сергеевича можно было видеть в ресторане Дюме (Морская, 15 / Гороховая, 7). У этого заведения особая история. Его открыл в начале 1820-х годов француз Андрие, бывший военнопленный. Потом Андрие вернулся на родину, а ресторанное дело продолжил его соотечественник Дюме. В специальном путеводителе по лучшим ресторанам Северной столицы, между прочим, говорилось: «Обед у Дюме. По качеству обед этот самый лучший из всех обедов в петербургских ресторациях...». Пунш, шампанское, десерт из миндаля, орехов, «винных ягод» (инжира) и изюма, называемый «Четверо нищих», «сладкие мяса», жюльены — чего только не подавалось здесь! При этом горожане по-свойски называли ресторан Дюме трактиром. А ещё это местечко именовалось в городском свете «пристанищем холостяков». После женитьбы на Наталье Гончаровой

Александр Сергеевич решил пообедать у Дюме и после визита написал жене в Москву: «...явился я к Дюме, где появление моё произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали потчевать меня шампанским <...>. Всё это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома».

Здесь же, в трактире-ресторане Дюме, произошло знакомство Пушкина с Дантесом... Сколь многое скрещивается в русской культуре на Гороховой улице, сходится на её Пиковых перекрёстках.

Гоголь зимой 1828 года, в ту пору, когда масляные фонари ещё не заменили газовыми, поселился, как давно мечтал, в Петербурге. Николай Васильевич писал матери: «Адрес мой в III Адмиралтейской части на Гороховой улице, подле Симеоновского моста, в доме купца Галибина, № 130».

Что это за Адмиралтейская часть такая, почему она третья, да и с чем связана, раз уж на то пошло, топонимика Гороховой улицы? Дело в том, что выдающийся архитектор П. М. Еропкин после жестоких пожаров 1736—1737 годов разработал архитектурную концепцию «трёх лучей», расходящихся от центральной башни Адмиралтейства. Гороховая улица, в его планиметрии, представляла из себя средний луч — между Вознесенским и Невским

Угол Морской и Гороховой улиц. Старинная открытка.

проспектами. По традиции названия давались лишь улицам Адмиралтейской части, поэтому первое время официально Гороховая (называемая ещё Средняя Перспективная, Вторая Перспективная, Адмиралтейская) доходила только до Мойки и лишь в 1739 году была продлена до Фонтанки, а ещё позже — до Загородной улицы. Городское пространство между Екатерининским каналом и Фонтанкой как раз и называлось **III Адмиралтейская часть** Петербурга. Она включала и Гороховую улицу, названную так в честь иноземного (немецкого) купца Гарраха, построившего в 1756 году большой каменный дом и открывшего там лавку. Лавка Гарраха пользовалась успехом у горожан, вот только название выговаривалось с трудом. Какой ещё Гаррах? Горох, конечно! Так и пошло: лавка Гороха, Горохова лавка... И — улица Гороховая. Интересно, что официальное название улицы (Адмиралтейская) упорно боролось с её народным наименованием. Но язык, как всегда, сам всё расставил на свои места.

Поговаривают, впрочем, и ещё об одной версии. У Петра I имелся денщик — Франсуа Вельбуа. Его усадьбу, между Садовой и Фонтанкой, со временем снесли, и образовался городской пустырь. Свято место пусто не бывает, как известно. И кое-кто

из горожан начал здесь огородничать. Особенно много сажали стручкового гороха и продавали свой урожай тут же, на осенних ярмарках. И пустырь кто-то меткий на язык окрестил Гороховым...

Но вернёмся к Гоголю. Вскоре Николай Васильевич сменил место жительства, но именно здесь, на Гороховой, ютясь в тесной квартирке, начал он наблюдать за психологией и философией «маленького человека». Через четырнадцать лет эти наблюдения выльются в знаковую для русской культуры повесть «Шинель». Кстати, помните размышления Хлестакова, куда же, на какой адрес всё-таки отправить письмо другу Тряпичкину — на Почтамтскую или Гороховую? В итоге он выбирает Почтамтскую, но тем не менее кульминационное письмо всей комедии вне мысленной проекции Гороховой улицы представить уже невозможно.

Как невозможно представить и образ гончаровского Ильи Ильича Обломова, который проживал «в Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город».

Задумаемся: а ведь это парадокс. Улица шумная, деловая, чиновничья, торговая, с невероятно интенсивным для позапрошлого века движением. И лежебока Обломов

поселяется в таком вот «энергическом», как писали раньше, месте. Проницательно высказался о топонимической выборке для героя романа врач, талантливый литературный критик, обозреватель «Отечественных записок» Николай Иванович Соловьёв: «Странно только, что автор поместил своего героя в Петербурге, да ещё на самой многолюдной улице, на Гороховой; самое настоящее место его — в Москве, на какой-нибудь Спиридоновке; всё, что идёт на покой, отправляется в Москву...».

Стародавняя купеческая Москва, с неспешным выговором, с усадебной природой, с колоритным замоскворечьем, и мегасовременный, открытый миру Петербург, с его архитектурной геометрией, с его парадными... Тут-то, впрочем, возможно и кроется некоторая поведенческая противоречивость Обломова. Он *привык* к Гороховой, сросся с её ландшафтом, даже простой вид из окна, вид заходящего солнца, становится для него чем-то важным. Однако же в сердце своём Илья Ильич несёт другую географическую мету — Обломовку. И где бы он ни был, о чём бы ни думал или ни говорил, к Обломовке, «к почве родной Обломовки» обращено всё его естество. В этом смысле Гороховая улица, увиденная читателем сквозь призму обломовского мира (в его характеристиках, репликах, взглядах, пререканиях с Захаром о долгах местным мясникам и зеленщикам, диалогах с гостями), находится в прямой зависимости от Ильи Ильича, являющегося в романе её центром. Вокруг Обломова, лежащего на диване, сосредоточены все звуки и краски Гороховой улицы, это к нему, к «обломовскому Платону», приходят поочерёдно с Гороховой улицы литературные подёнщики, чиновники, врачи, светские франты... При всей своей почти патологической зависимости от места Обломов всё-таки, как никто другой, от этого же самого места свободен. И потому у внимательного читателя рано или поздно возникает вопрос: а что случится с Гороховой улицей после того, как оттуда съедет Обломов, что сделается в его комнатах, кто посмотрит и посмотрит ли на заходящее солнце из окон его квартиры, за которую он так по-детски держался? Гончаров, так до конца жизни и не заимевший собственного угла, так и не вернувшийся в родовое гнездо, а лишь снимавший, подобно Илье

Ильичу, *жильё*, ничего не говорит об этом ретроспективном взгляде, о феномене возвращения на прежнее место, но само это возвращение, его идея заложены в романе. Ведь «Обломов», по существу, роман о возвращении — состоявшемся или не случившемся...

С Гончаровым, вернее, с главным героем его романной трилогии, связан ещё один перекрёсточек. Вы задумывались когда-нибудь, что Чернышевский не случайно поселил Веру Павловну на Гороховой улице и не случайно называет Рахметова, центральное действующее лицо романа «Что делать?» Никитушкой Ломовым, то есть почти Обломовым? Юрий Лоциц, автор замечательных книг о Гончарове и о русской культуре, отмечает, что такое географическое расположение Чернышевский выбирает в полемических по отношению к роману «Обломов» целях: «Этой героине романа-утопии Чернышевского, — пишет Юрий Михайлович, — тоже будут сниться сны-мечты. Но обращённые не в прошлое, не к идиллической обстановке помещицкого быта, а в совершенно противоположную сторону».

Стало быть, Гороховой улице снятся сны и о прошлом, и о будущем, и об идиллически устойчивой и неизменной золотой «рамке жизни», и о грядущих переменах, за которые нужно безжалостно и безоглядно бороться.

Не одно только эхо стихов, музыкальных шедевров, светских разговоров и тревожных раздумий о судьбах России слышится на Гороховой улице, но и отзываются в её сердце судьбоносные для страны выстрелы.

Перенесёмся в зимний день 1878 года, на Гороховую, 2, где располагается резиденция петербургского градоначальника, генерал-адъютанта Фёдора Фёдоровича Трепова. На приём к нему с просьбой выдать ей аттестат о поведении (справку о благонадёжности) приходит бывшая политическая заключённая Вера Ивановна Засулич, назвавшаяся Козловой. Чтобы отомстить Трепову за распоряжение о наказании розгами политзаключённого (телесные наказания в России были уже отменены тогда), Засулич стреляет в упор и тяжело ранит градоначальника. Фёдор Фёдорович, с честью прошедший не одно сражение, выживает, хотя ранение его

очень тяжело. Засулич немедленно арестовывают. Фактически на Гороховой улице начинается самое известное и противоречивое дело в истории русской юриспруденции — дело Веры Засулич. Блестящий адвокат Пётр Акимович Александров произносит в Петербургском окружном суде столь сильную защитительную речь, делает такие мощные риторические акценты на историческом прошлом России, озвученном свистом кнута и покрытом тьмой бесправия, что присяжные полностью оправдывают Засулич. За процессом следит вся страна, в ряду, отведённом для прессы, находится Ф. М. Достоевский. Он обращает особое внимание на слова обвиняемой: «Я решилась хоть ценою собственной гибели доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью... Я не нашла другого способа... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать». В момент оглашения приговора молодые люди, заполнившие здание суда, кричат: «Вера! Верочка! Мы победили!» Председательствует в суде великий русский юрист Анатолий Фёдорович Кони. Фёдор Трепов не требует жестоких мер по отношению к покушавшейся на его жизнь девушке, да и в суде не появляется, прислав справку о состоянии здоровья, подписанную профессором Склифосовским. (В день покушения, за несколько часов до него, Фёдор Фёдорович прогуливался по Гороховой улице, у Каменного моста через Екатерининский канал — Гороховая, 24 — и на него обрушилась с крыши дома громадная снежная глыба, едва не убив.) Гораздо позднее, после долгой эмиграции, после кровавых революций, Засулич вернётся в Россию, но не примет новых реалий, в которых жизнь и достоинство человека — то, за что она боролась, — ничего не будут значить. «Страшно жить, незачем жить...», — скажет она растерянно своему соратнику, одному из лидеров меньшевизма Льву Григорьевичу Дейчу. Она вновь приедет в Петербург — теперь уже в Петроград — смертельно больной. Её похоронят на Литераторских мостках Волкова кладбища весной 1919 года. Анатолий Кони проживёт до 1927 года, он будет делать всё, чтобы сохранить соревновательный дух судебной системы, уважение к заклю-

чённому, гуманность суда — насколько это только возможно. А перед смертью попросит родных похоронить его прах на Литераторских мостках, рядом с могилой Веры Засулич. Так и останутся они навеки вместе — самый известный судья и самая известная обвиняемая в истории русской юриспруденции.

Раз уж мы коснулись трагических страниц истории, как не сказать о том, что в 1927 году улица Гороховая стала улицей Дзержинского, а за 6 лет до этого в подвалах ВЧК, находящихся тут же, на Гороховой, 2, был расстрелян поэт Николай Гумилёв. Позднее Михаил Зенкевич в книге воспоминаний «Мужицкий сфинкс» расскажет про мчавшийся по Петербургу трамвай, среди пассажиров которого, в уланской форме, привиделся ему, дышащему тифозным жаром, автор «Фарфорового павильона» и «Романтических цветов» — после дня казни. Остаётся только воскликнуть: если бы это было не видением, а правдой!..

Гороховая... Сколько же таит она исторических пластов, как много может рассказать о нашей жизни. Улица-время. Улица-история. Улица-судьба. И что ни адрес — то память отечественной культуры. Гороховая, 5 — в 1842 году здесь селится «создатель нового языка в музыке», талантливейший композитор Михаил Глинка, здесь он завершает волшебные партитуры «Руслана и Людмилы»; Гороховая, 11 — в этом доме с 1840-го по 1841-й жил Александр Герцен с семьёй; Гороховая, 66 — место, где суждено будет родиться блистательному Игорю Северянину, создателю искромётных «Ананасов в шампанском» и «Мороженого из сирени»... А совсем рядом другой адрес, другой дом, другая линия нашего историко-культурного наследия — Гороховая, 64, дом Григория Распутина, где провёл он последние годы жизни и откуда отправился в последний путь.

Как близко и как далеко от восторженных слов Макара Девушкина, восхищающегося парадной стороной Гороховой улицы, до взгляда на Гороховую князя Мышкина, идущего к дому Рогожина. Трагическая развязка романа происходит как раз в рогожинском доме (на Гороховой, 41, как считают исследователи). Мышкин, предвидя трагедию, идёт к Рогожину всего несколько кварталов, из района Песков со стороны Загородного проспекта, но путь

На фотографиях из издания «Десятилетие ресторана “Вена”» (литературно-художественный сборник, СПб., 1913) — владелец ресторана Иван Сергеевич Соколов и его супруга Татьяна Петровна Соколова, внизу — угловой зал «Вены», в котором проходили творческие вечера литераторов, журналистов, музыкантов и художников.

этот продлевается в пространственно-временной карте романа. Князь чувствует рогожинское обиталище («Это, наверное, тот самый дом»). И дом, и ведущее к нему пространство чем-то похожи на образ Парфёна Рогожина. Закрытостью, непредсказуемостью, сумеречностью. Казалось бы, один и тот же писатель создаёт образ одной и той же улицы. Но роман «Идиот» пишет уже совсем другой, изменившийся, прошедший каторгу и огонь нравственного катарсиса Достоевский. И его Гороховая — уже совсем другая, ведущая к исповеди, к признанию высших нравственных истин, к покаянию. Гороховая, 61 — именно здесь, по пятницам, собирался легендарный кружок Петрашевского, куда входил, как известно, и Ф. М. Достоевский. Так что Гороховая может иногда и закольцовываться. Есть на этой удивительной улице и пиковые перекрёстки, и пиковые параллели. Есть и пиковые круги.

Но Гороховая улица, во всех своих проекциях, бывает и открытой, влюблённой, весёлой. И даже солнечной. Да, порой у Гороховой проявляется чиновничий,

деловой, купеческий норов, и тогда она тускло поблёскивает гербовыми пуговицами тёмно-зелёных фраков, слепит глаза до белоснежности накрахмаленными сорочками, хвастается купеческими сюртуками и жилетками, мерно постукивает по тротуарам модными тросточками. Один только дом губернских присутственных мест (упомянутый выше адрес Гороховая, 2, где расположилась позднее, после революции, печально известная «чрезвычайка») чего стоит, а ещё целый ряд доходных домов — например, Орлова-Давыдова, Таля, Дурьшкина. И средняя, и мелкая торговля процветала на Гороховой: в доме 24 — картонная фабрика, в доме 22 располагались молочная, сливочная, галантерейная, свечная лавки, фанерная и часовая мастерские. А рядом — кофейни, булочные, кондитерские...

И всё же душа Гороховой улицы — в искусстве. Вот вам адрес — Гороховая, 8. Знаменитое место, где любили собираться ярчайшие мастера искусства конца XIX — начала XX века. В юном, 1903 году, в пору светлых надежд и грёз о прекрасном будущем, Иван Соколов открыл ресторан с музыкальным названием «Вена», который стал настоящей Меккой для талантливых людей. Здесь проходили творческие вечера литераторов, журналистов, музыкантов, композиторов, художников. Целые литературные редакции, бывало, являлись на какой-нибудь торжественный обед или ужин. Соколов называл подобные встречи «журфиксами». Здесь Александр Аверченко читал свои блестящие рассказы, Александр Блок вдохновенно исполнял стихи о Прекрасной Даме, остро словил Саша Чёрный, мрачно и чуть презрительно взирала на аудиторию Зинаида Гиппиус. Между прочим, отсюда, из «Вены», с Гороховой была отослана на квартиру Блоку, на Малую Монетную, телеграмма, где он провозглашался королём поэтов. Здесь Александр Куприн, автор «Гранатового браслета», рассказывал байки вместе со своим другом — итальянским клоуном Жакомино (Джакомо Чирени). Здесь можно было встретить учёных, меценатов, купцов, чиновников, приказчиков... Присмотримся повнимательнее — а тот видный мужчина, разве он не легендарный силач Иван Поддубный? И все, все здесь, на Гороховой, 8,

рукоплескали творчеству, ценили талант, поклонялись искусству.

Существовала такая шуточная максима: «Если ты трубочист — то лезь на крышу, если пожарный — то стой на каланче, а если литератор или журналист — ступай в „Вену“».

Об изысканном меню «Вены» можно судить по своеобразной оде, написанной к 10-летию ресторана неким Эпикуром:

*Ризотто Миланезе...
Шашлык и поросёнок...
Ах, аромат их тонок,
Точь-в-точь духи Фарнезе.
О беф були, котлетки
(«Варвара» и другия)...
Их качества благия
Оценят лишь поэты...*

Это потом, после 1917-го, ресторан будет закрыт, стихнет музыка, окажутся в эмиграции или будут репрессированы многие его известные завсегдатаи — Осип Манделштам, Владимир Пяст, Зинаида Гиппиус, Аркадий Аверченко, Всеволод Мейерхольд... И это потом, уже через целую эпоху, в наше время, он будет возрождён...

Подходит к концу наше маленькое путешествие. Серые, как шинель Акакия Акакиевича, и грустные, как слова разочаровавшейся в новой жизни графини, вот-вот уже настанут питерские сумерки, медленно сгустятся над градом Петровым. Вот-вот зажгутся огни на улицах, на проспектах и площадях. Масляные? Газовые? Неоновые? Какой они эпохи, какого века? Отчего юность проходит так быстро? Отчего старость приходит так неумолимо? Почему человек, и особенно человек талантливый, так часто становится игрушкой в руках провидения? Почему? Почему?

Но вдруг — надеждой на завтрашний светлый день, его перспективой — из непроглядной небесной пелены пробивается яркий солнечный луч. Смотрите, он играет в стихающих волнах Невы, золотит купола и шпили, заглядывает в Ротонду, где веселится и загадывает желания молодёжь. И становится ясно, что Гороховая улица — тоже луч, только архитектурный! Это улица памяти, конечно, но, может быть, в первую очередь, это улица надежды и возрождения.